

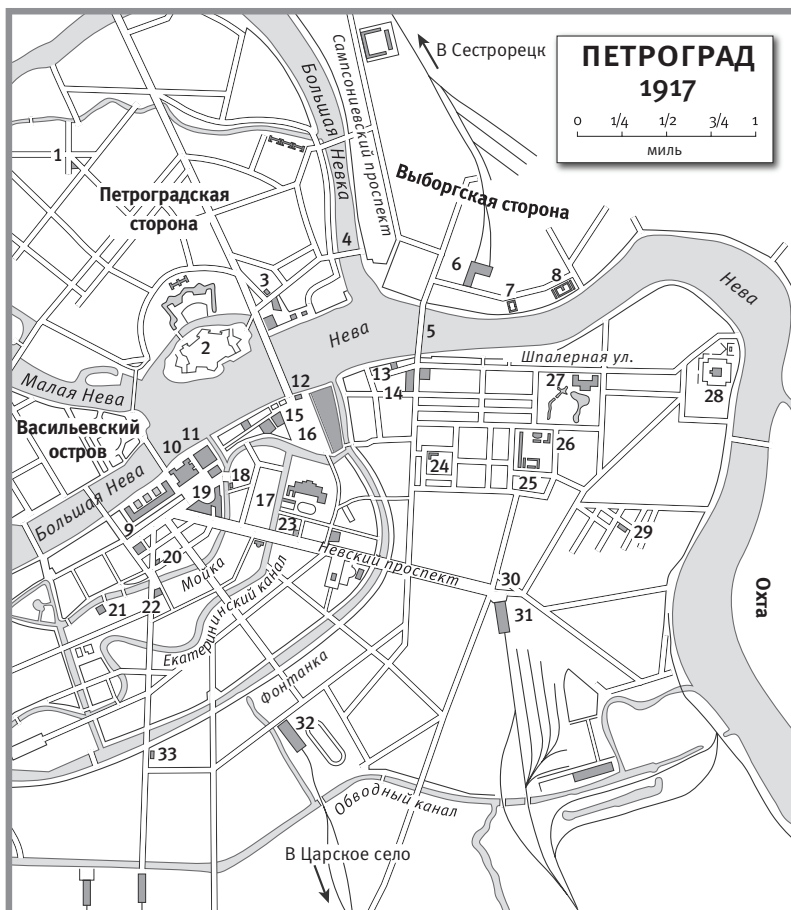
Оглавление

Введение	9
Глава 1 Темные силы	31
Глава 2 Черный рынок	60
Глава 3 Красное озеро	86
Глава 4 Алые ленточки	111
Глава 5 Карты и планы	139
Глава 6 Пломбированный вагон	167
Глава 7 Безвластие	189
Глава 8 Ленин в Лапландии	215
Глава 9 На вокзале и потом	241
Глава 10 Золото	269
Глава 11 Попутчики	297
<i>Примечания</i>	327
<i>Что еще почитать</i>	355
<i>Благодарности</i>	361
<i>Источники иллюстраций</i>	363
<i>Указатель</i>	365

**МАРШРУТ ПУТЕШЕСТВИЯ ЛЕНИНА
В АПРЕЛЕ 1917 ГОДА**

100 50 100 100 200 300
миль

1. Квартира Елизаровых
2. Петропавловская крепость
3. Особняк Кшесинской
4. Сампониевский мост
5. Литейный мост
6. Финляндский вокзал
7. Тюрьма "Кресты"
8. Арсенал
9. Адмиралтейство
10. Зимний дворец
11. Эрмитаж
12. Британское посольство

13. Французское посольство
14. Артиллерийские казармы
15. Павловские казармы
16. Марсово поле
17. Михайловский театр
18. Редакция "Правды"
19. Здание Главного штаба
20. Гостиница "Астория"
21. Юсуповский дворец
22. Мариинский дворец
23. Гостиница "Европейская"
24. Казармы Литовского полка

25. Казармы Волянского полка
26. Казармы Преображенского полка
27. Таврический дворец
28. Смольный институт
29. Квартира Аллилуевых
30. Знаменская площадь
31. Николаевский вокзал
32. Царскосельский вокзал
33. Казармы Измайловского полка

Введение

Массам надо всегда говорить всю правду
до конца, правду неприкрашенную, не боясь
того, что эта правда отпугнет их.

Н. К. КРУПСКАЯ

Томас Кук сказал лет сто пятьдесят назад, что на Земле есть три места, которые нужно увидеть каждому, кто отправился в путешествие вокруг света: одно — это крепость Тимбукту в Сахаре, второе — старый Самарканд, а третье — Хапаранда в Швеции. Кука этот крошечный городок пленил, очевидно, северным сиянием. Сама Хапаранда могла гордиться разве что пиратским прошлым, но такое же было и у любой соседней гавани. Уникальной для Хапаранды была разве что местная легенда о волхве, который знал толк в травах и умел, словно большая птица, летать в длинной мантии сквозь полярную ночь. Городок одиноко лежал на самом краю освоенной земли, он одновременно и притягивал, и немного пугал.

Хапаранда находится у северной оконечности Ботнического залива, отделяющего север Швеции от Финляндии. Город стоит в устье реки; когда-то он включал в себя несколько островов и часть западного берега. Рядом возникали и другие поселения, среди них — более крупный город Торнио. Ради выживания приходилось делиться друг с другом всем, что давала природа: жители охотились на зимнего зверя, пасли скот на окрестных холмах, а в краткую оттепель, по колена в воде, ловили блестящих угрей.

Население Хапаранды мало походило на жителей Стокгольма, большая его часть говорила на местном диалекте, тем не менее вплоть до начала XIX века весь этот регион относился к Швеции. Однако по мирному договору 1809 года, завершившему очередную русско-шведскую войну, восточный берег реки вместе с центральным, самым оживленным, островом должен был отойти к Великому княжеству Финляндскому, только что присоединенному к Российской империи. Хапаранда осталась на шведском берегу и через реку глядела на большую свою сестру Торнио. Теперь они были чужими.

С самого момента установления этой границы она никогда не казалась надежной. Шведские власти не забывали об экспансионистских аппетитах России. Когда в Кируне, меньше чем в пятистах километрах к северо-западу от Хапаранды, было открыто огромное месторождение железной руды, стокгольмские инвесторы вынуждены были отказаться от планов провести туда железную дорогу — из опасения, что через Хапаранду, словно в распахнутые настежь ворота, в страну хлынут новые толпы русских. Эра паровозов была в Швеции в самом разгаре, рельсы, словно нервы, протягивались все дальше на север — но только не в Хапаранду. Летом, когда ни льда на реке, ни санного пути через нее не было, попасть из Швеции в Финляндию можно было только по единственному деревянному мосту.

С Первой мировой войной ситуация изменилась. Великие атлантические державы Европы, Великобритания и Франция, стали теперь союзниками Российской империи. Им нужно было не только обеспечить перемещение людей между Россией и Западной Европой; они также взяли на себя обязательство поставлять союзнику жизненно необходимые военные материалы (в частности, снарядные трубки и артиллерийские прицелы), однако прямой связи между Западом и Востоком не было. Все маршруты через Германию были, разумеется, перекрыты, а морские пути на Северном и Бал-

тийском морях, там, где они не были сплошь заминированы, патрулировались немецкими подводными лодками. Единственно возможным, пусть и очень трудным, был кружной наземный маршрут через Северную Швецию. Томас Кук умер в 1892 году. Ему Хапаранда казалась экзотикой, взглянул бы он на нее в 1917-м!

Железная дорога появилась здесь только в 1915 году. Это была всего-навсего однопутная тупиковая ветка, связанная с магистралью в городке Карунги, на некотором расстоянии к северу от Хапаранды. Хотя теперь эта дорога стала жизненно важной артерией военных перевозок, она все же обрывалась у финской границы, поскольку ширина железнодорожной колеи в Финляндии, как и во всей Российской империи, была не такой, как в Европе. Все грузы и пассажиров в Хапаранде приходилось выгружать из вагонов, переправлять через реку, втаскивать на противоположный крутой берег и вновь загружать в русские поезда. Зимой всё это проделывалось с помощью саней, запряженных оленями или крепкими местными лошадами; летом приходилось задействовать все лодки, которые только можно было найти в округе.

Для путешественников “бутылочное горлышко” Хапаранды было нелепым неудобством, досадной потерей времени, зато самому местечку предстояло пережить настоящий расцвет. Вместе со своей сестрой — финским Торнио — Хапаранда вскоре превратилась в самый оживленный коммерческий пограничный переход Европы. Городские заведения, в которых прежде выпивали лишь местные пастухи, теперь кишели различными темными личностями, контрабандистами и следившими за ними агентами полиции. Комнаты единственной гостиницы были забронированы наперед для дипломатов и политических деятелей (главным образом британских, французских и русских), которые вдруг повадились ездить через Хапаранду. Ни местный климат, ни невыносимо медленные поезда им совершенно не нравились, но более удобной дороги не существовало.

Этот огорчительный факт стал причиной и одного в высшей степени невероятного для здешних мест визита. Вдовствующая императрица Мария Федоровна в момент начала войны оказалась в Европе. Она попыталась добраться домой самостоятельно, но на датско-германской границе царский поезд застрял: власти Германии отказались пропустить его в Россию. Положение было отчаянным, но спасение принесли невиданной силы морозы января 1917 года. Когда лед на реке Торнион-Йоки, разделявшей Хапаранду и Торнио, стал достаточно толстым, целая армия рабочих навела временную железнодорожную колею через реку. Затем царский поезд (с вагоном-будуаром, тронным залом, кухнями и мобильным генератором) был частями, по два вагона за раз, переведен на другой берег и прицеплен к финскому локомотиву. Под вагоны были подведены специальные колесные тележки, соответствующие ширине русской колеи. Не успел поезд отбыть из Торнио, как на льду вновь появились люди с ломами — на этот раз чтобы разобрать дорогу¹.

С военных фотографий в местном краеведческом музее смотрят создания, словно явившиеся из иного мира: чопорные, затянутые в корсеты, холодно-отстраненные, в своих невероятных мундирах с золотым шитьем и целым набором шляп с перьями. Никаких следов этих духов прошлого сегодня здесь не осталось. Разделенные рекой Хапаранда и Торнио объединились (путеводители именуют город сокращением ХаТо), и, прогуливаясь по площади перед торговым центром, вы легко пересечете границу между Швецией и Финляндией, даже не заметив этого².

Время в Финляндии на час обгоняет шведское, что несколько затрудняет чтение автобусного расписания, зато от обычных пограничных неудобств — паспортного контроля, таможни, автомобильных очередей — не осталось и следа. Единственная заметная достопримечательность ХаТо — массивный синий куб: самый большой в мире филиал ИКЕА. В апреле вокруг него тоскливая пустыня, покры-

тая лужами с бензиновыми разводами и грязными сугробами, но стоит снегу растаять, как парковка тут же заполнится машинами. По-прежнему приезжают русские, бывают и финны, и олениводы из Лапландии. Человек, о котором я собираюсь рассказать в этой книге, по достоинству оценил бы жизнь сегодняшней Хапаранды — в конце концов, он много писал о мировой торговле. Кроме того, он перешел реку Торнион-Йоки по льду — и эта прогулка изменила мир.

В апреле 1917 года, в разгар Первой мировой войны, вождь большевиков Владимир Ильич Ленин поездом вернулся из эмиграции в Россию. Еще до конца того же года он сделался повелителем нового революционного государства. Самое большое достижение Ленина состояло в том, что он претворил в идеологию управления те идеи, которые за сорок лет до него высказал Карл Маркс. Ленин создал советское государство, которое теперь правило страной от лица трудящихся, управляло распределением материальных благ и осуществляло столь же радикальные перемены в области культуры и социальных отношений. Ленинская программа обещала надежду на достойную жизнь многим обездоленным, не в последнюю очередь женщинам, которым она сулила небывалый уровень равенства в правах. Платой за это стали бесчисленные человеческие жертвы, начиная с десятков тысяч убитых еще при жизни Ленина, причем некоторые из них — за преступления не более серьезные, чем очки на носу. За семьдесят лет существования Советского Союза число безвинных жертв большевизма достигло миллионов. В то же время ленинизм с его прагматическим, лишенным сантиментов подходом к защите обездоленных стал идеалом для многочисленных революционных партий во всем мире — от Китая и Вьетнама до Индийского субконтинента и Центральной Америки. И завязкой всех этих событий — от рождения Советского государства до глобальной холод-

ной войны — стало то самое знаменательное путешествие Ленина.

В начале нашей истории мы застаем Ленина в Швейцарии. Принужденный к эмиграции решениями царских судов, вождь большевиков был здесь в достаточной безопасности, однако теперь его снедало неудержимое желание своими глазами увидеть революцию, которую он пророчил в течение двадцати лет. Как и многие социалисты, он ожидал, что революция начнется где-нибудь в Западной Европе, однако в первые месяцы 1917 года вдруг стали поступать известия о массовых протестах в Петрограде. Еще большим шоком для мира стала весть о том, что русский царь отрекся от престола. Накануне летней военной кампании, в ходе которой предполагалось массированное наступление союзников на Западном фронте, будущее Российской империи вдруг стало совершенно неопределенным. В Петрограде царило ликование: страна вдруг стала республикой — по крайней мере, до принятия конституции.

Ленин, как и почти все русские эмигранты, был в восторге от этих новостей. Лидер самой боевой революционной партии России, он прежде всего хотел вернуться домой. Беда в том, что он оказался в ловушке. Ни Британия, ни Франция совершенно не собирались ему помогать: они знали Ленина как ожесточенного противника войны, в то время как их собственные дипломатические усилия были направлены как раз на то, чтобы Россия — свободная или нет — из войны не выходила и оставалась их союзником до победного конца. У Ленина оставался единственный маршрут: на поезде через Германию, затем паромом в Швецию и дальше добираться до пограничного перехода Хапаранда. Проблема заключалась в том, что Германия была врагом: начиная с 1914 года ее солдаты убили на Восточном фронте тысячи и тысячи русских. Дилемма, перед которой стоял Ленин, казалась неразрешимой: проезд по территории Германии означал измену, а остаться в Швейцарии — значит не воспользоваться моментом, которого он ждал всю жизнь.

Ленин, разумеется, выбрал первый вариант, который стал возможен благодаря неожиданной помощи главного командования германской армии. Затяжная окопная война и патовая ситуация на фронтах заставили воюющие державы обратиться к поиску каких-то преимуществ за пределами театра военных действий. В 1917 году у небольшой группы чиновников в недрах германского Министерства иностранных дел возникла идея использовать различных инсургентов и революционеров в странах Антанты, чтобы дестабилизировать положение в стане врага: поддерживать мятежников во французской армии, снабжать оружием ирландских националистов, а в идеале — поднять восстание на границах Британской Индии. Когда этим людям рассказали о Ленине, они сразу оценили его потенциал в деле подрыва военных усилий России. Если все пойдет удачно и немецкая армия сможет нанести сокрушительный удар Великобритании и Франции, помощь Ленина понадобится им лишь на самое короткое время.

Имея в виду этот радужный план, немецкие чиновники не видели проблемы в том, чтобы обеспечить лидеру большевиков безопасный проезд через территорию своей страны. Более того, они согласились и на требование Ленина считать вагон, в котором он поедет с группой сподвижников, экстерриториальным объектом, полностью изолированным от Германии: это должно было в будущем отвести от большевиков любые возможные обвинения в контактах с населением враждебного государства. Более того, было решено оказать Ленину и финансовую поддержку в его революционной деятельности — с помощью пресловутого “германского золота”. Англичане и французы что-то прознали о замысле с поездом, и, хотя отличить факты от слухов было не так-то просто, сама по себе репутация Ленина внушала беспокойство. Кое-кто считал, что его нужно остановить любой ценой — например, где-нибудь в безлюдных шведских лесах. Однако когда пришел подходящий момент, никто не решился взять на себя ответственность и нажать на курок.

Вся эта история словно вышла из-под пера Джона Бакена. В самом деле, всего за несколько месяцев до описываемых событий этот шотландский беллетрист (и сотрудник разведки) опубликовал шпионский триллер “Под зеленым плащом” (*Greenmantle*, 1916), главный отрицательный персонаж которого тоже строит козни против британцев и их союзников. Действие романа происходит не в России (Бакен предпочел Ближний Восток), однако важная пружина сюжета книги — решение главного героя, британского тайного агента Ричарда Хеннея, проехать через всю Германию в погоне за врагом. Сам Хенней рассказывает об этом следующим образом:

Я ожидал увидеть на немецкой стороне мощные заслоны из колючей проволоки, опутывающей окопы, но там не было ничего, кроме полдюжины часовых в форме мышиного цвета. Нас загнали в обширное и совершенно пустое помещение, в котором пылала громадная печь, и велели ждать. Затем нас по двое стали заводить в кабинет для досмотра, где заставили раздеться донага. Господа, выполнявшие эти процедуры, были достаточно вежливы, однако чрезвычайно скрупулезны³.

Ленину пришлось подвергнуться такому осмотру в реальной жизни — в здании таможни в Торнио. “Чрезвычайно скрупулезным” в его случае был британский офицер, делавший свое дело под недоверчивыми взглядами служащих русской пограничной охраны.

Поездка закончилась на Финляндском вокзале Петрограда. Не демонстрируя ни малейших признаков усталости после восьмидневной дороги, Ленин, словно триумфатор, продвигался сквозь толпу восторженных встречающих, готовый навсегда изменить ход российской истории. Большевики мифологизировали это событие, однако наиболее яркий комментарий принадлежит Уинстону Черчиллю:

Необходимо уделить самое пристальное внимание гнусной затее германского военного руководства, которую оно уже реализовало. То, что оно использовало против России самое страшное оружие, внушает благоговейный страх. Оно переправило Ленина в plombированном вагоне из Швейцарии в Россию, как чумную бациллу⁴.

Вагон, собственно, не был “пломбированным”: двери вагона, выходящие на пути, в противоположную сторону от перрона, изредка открывались и закрывались, люди выходили и вновь входили. Кроме того, поездка была намного более трудной, чем можно представить себе по словам Черчилля. Русским пассажирам потребовалось не менее трех дней, чтобы проехать Германию, и все это время они не могли купить себе еды, не говоря уже о том, чтобы выйти на станции и размяться. Если они вообще спали, то сидя, уронив голову на грудь соседа, в спертom воздухе переполненных купе с жесткими полками. Однако метафора бациллы кажется мне близкой: на протяжении своей жизни я не раз была свидетелем великих интриг и глобальных игр дипломатического, экономического и военного свойства — таких же, как те, что были порождены Первой мировой войной.

Нестабильности в нынешнем мире едва ли меньше, чем во времена Ленина, и великие державы (пусть их перечень несколько иной) изо всех сил соперничают за роль мирового лидера. Одна из стратегий, которая используется в региональных конфликтах в тех случаях, когда прямое военное вмешательство обходится слишком дорого, состоит в поддержке и финансировании местных инсургентов. Некоторые из них уже находятся в нужной стране, а других — совершенно так же, как когда-то Ленина, — приходится туда завозить. Я имею здесь в виду и Южную Америку 1980-х, и бесконечные грязные войны в Центральной Азии, и переворачивающие мне душу нынешние конфликты в арабском мире. История поезда с Лениным принадлежит не только Советам. В каком-то смысле

это притча о большой игре великих держав — и она доказывает, что великие державы почти всегда ошибаются.

Я понимала, что мне придется проделать тот же путь на поезде. Путешествие ведь состоит не только из пунктов А и Б, расстояний и промежутков времени, но и из всего того, что видит путешественник. Первым делом следовало удостовериться в правильности маршрута. Историки предлагают множество версий, но мне еще не приходилось видеть карту, из которой было бы ясно, по какому маршруту Ленин ехал на самом деле. Большая часть специалистов приписывает ему поездку по железнодорожной линии, которая в 1917 году еще даже не была построена, а по меньшей мере в одной книге — классической и постоянно переиздаваемой — маршрут отклоняется от реального примерно на полторы тысячи километров⁵. Маршрут — вовсе не второстепенная деталь. Есть разница между морским путешествием по Балтике и долгим продвижением через снега Лапландии, а ехать по железной дороге, идущей через сплошные глухие леса, — не то же самое, что совершать прогулку на пароме вдоль сверкающего огнями побережья.

Несмотря на солидный объем и роскошные картинки, “Путеводитель по железным дорогам Европы” (*Continental Railway Guide*) Брэдшоу на 1913 год мне несколько не помог. В военное время расписание поездов менялось каждую неделю, а в 1916 году к тому же появились новые железнодорожные линии. Поставив Брэдшоу обратно на полку, я вооружилась архивными расписаниями поездов на 1917-й, собственными выписками из 55-томного собрания сочинений Ленина и большой картой. Рядом с записной книжкой и ручкой в сумке у меня лежал маленький цифровой диктофон. Сейчас, когда я включаю его у себя на столе, я слышу песнь Европы в движении: целый хор языков, гул транспорта на соседних улицах, моторы, репродукторы, тормоза и шип закры-

вающихся дверей. Если бы я оставила прибор включенным подольше, он записал бы много часов разнообразных вагонных бесед, звучащих то приглушенно, то скучающе, то доверительно, то дерзко — но редко намного громче, чем фоновый стук колес.

Я планировала точно повторить расписание и маршрут Ленина. Из Цюриха я должна была выехать 9 апреля, а через восемь дней, преодолев 3200 километров, оказаться в Петербурге. Чтобы уложиться, нужно было спешить; но и Ленин был нетерпелив, а я должна была точно следовать ему. Даже в самых быстрых поездах мне, очевидно, предстояли долгие часы досуга, в течение которых я, как когда-то Ленин, смогу наблюдать смену пейзажей за окном. Сто лет прошло с тех пор, как он проделал этот путь. Аккуратно расставленные игрушечные домики немецких городов, которые Ленин видел тогда, теперь заслонены громадными офисными зданиями и автобанами. Города расползлись далеко за границы прежних своих пригородов. Но самое заметное отличие — полное отсутствие чувства опасности. Когда мой поезд пересекал швейцарско-германскую границу, он даже не остановился, а во времена Ленина эта граница ощеривалась оружием — ведь по ту сторону лежала страна с поистине убийственной репутацией. Мое путешествие было быстрым, гладким и надежным, а тогдашняя поездка Ленина по охваченной войной Европе — трудной и тревожной.

Сегодня Ленин не узнал бы городов и станций, которые он проезжал в 1917 году. Перед отъездом из Цюриха, в ожидании своего поезда, я пошла прогуляться по узкой улочке, на которой когда-то жил Ленин. Спускаясь к озеру, я зашла в несколько кафе, в которых когда-то собирались русские ссыльные. Тогда это был бедный район, а сегодня короткий отрезок пути от квартиры Ленина до библиотеки, где он любил работать, сплошь занят бутиками с устрашающими ценами. Ни рабочих, ни фабрик здесь больше нет. Одна из немногих сохранившихся примет того времени — самый феше-

небелый отель города, пышный и дорогой “Бор о Лак”; он почти не изменился с 1915 года, когда здесь водворился Парвус, таинственный посредник, управлявший частью немецких денег Ленина. Столетие спустя хотя бы мечты богатых осуществились сполна.

После таких мыслей приятно было обнаружить выживший каким-то образом мелкий бизнес. Убаюканная покачиванием ультрасовременного немецкого поезда, я совсем забыла о том, что морской путь между Заснице и шведским портом Треллеборг в течение столетий был дорогой контрабандистов. Прежде чем я успела вкатить свой чемодан через металлический порог трапа, все кресла на открытой палубе парома — с прямыми спинками, словно стулья в пресвитерианской церкви, — были уже заняты семьями с детьми и мужчинами с мерцающими ноутбуками. Салон же с пластмассовыми пальмами и голубыми скамьями напоминал скорее Тирану или Бухарест, особенно когда вокруг внезапно поднялся страшный шум.

Громкие проклятия на смеси балканских языков зазвучали уже в Заснице. Несколько мужчин пытались втащить по ступенькам трапа монструозного размера блок немецкого баночного пива на деревянной палете; после поезда я устала, хотелось пить, и я подумала, что громоздкий груз предназначен для одного из баров парома. Но когда через порог салона перевалил десятый и двадцатый такой блок, я догадалась, что своими глазами наблюдаю поток алкогольной контрабанды. Накрытый чехлами и перевязанный веревками товар стеной громоздился вокруг торговцев, которые уселись играть в карты или уткнулись в свои мобильники.

Эти контрабандисты — наследники давней традиции. В течение Первой мировой войны их предшественники переправляли по этому же маршруту контрабандные лекарства, а также тайную корреспонденцию, написанную примитивными секретными чернилами. По иронии истории, сегодняшние магнаты мелкой пивной контрабанды родом из быв-

ших коммунистических стран, в которых частная торговля была запрещена. Потом все резко переменялось, и это отчасти объясняет, почему в последнее время люди в России охладели к Ленину. Да, его превратили в куклу, его мозг подвергся тщательным исследованиям, но по-настоящему его никто не любит; сердце удалено из его забальзамированного трупа. Чернее всего память о нем в тех краях, где советскую власть насаждали силой. В одном из таких регионов, в Западной Украине, Ленина настолько ненавидят, что во время протестов 2014 года были разом снесены десятки памятников Ленину и возникло новое слово — *ленинопад*.

Одна моя попутчица оказалась родом из Софии. Мы разговорились. Вспоминая времена коммунистов в Болгарии, она сокрушенно прищелкивала языком. Ее достаточно удивлял уже тот факт, что я ничего не везла на продажу. Расскажи ей про свой интерес к Ленину, она сочла бы меня сумасшедшей. Система, символом которой стал этот мертвец, ассоциируется в таких странах, как Болгария, с коррупцией, нуждой, ложью, злоупотреблениями власти и вызывает отвращение, которое способно отбить охоту интересоваться этой системой даже как мертвой окаменелостью. Но я знала, что когда-то эта окаменелость была живой, и, как все охотники за окаменелостями, мечтала оказаться в прошлом, в том мире, в котором они все еще дышали.

Шесть дней назад, когда я выезжала из Цюриха, там была весна — в Торнио мела ледяная метель. Простой кирпичный вокзал, еще один реликт времен Первой мировой, одиноко стоит на берегу реки, а на другом берегу, не совсем напротив (рисковать, как обычно, никто не хотел), виден более изящный вокзал Хапаранды. Оба бездействуют, движения поездов между ними нет уже много лет. Чтобы попасть к вокзалу из самой Хапаранды, нужно проехать мимо местной тюрьмы. Финский берег менее мрачный и выглядит симпа-

тичнее, по крайней мере в наше время. На здании вокзала есть табличка в память о знаменитой поездке Ленина — единственная встретившаяся мне в Хапаранде-Торнио. Вроде бы советское правительство заставило финнов установить ее там. В 1960-х годах, когда отмечалось 50-летие пролетарской диктатуры, советские дипломаты настоятельно требовали от европейцев установить такие металлические доски повсюду, где бывал Ленин.

Со временем такие напоминания перестаешь замечать. Двумя днями раньше я попыталась найти подобную табличку в отеле “Савой” в Мальмё. Ленин и его товарищи остановились здесь, чтобы пообедать после долгого переезда на пароме из Германии, и сохранили воспоминания о великолепном зале ресторана и превосходном обслуживании.

Девушка-администратор на стойке регистрации была озадачена: “Ленин? Может быть, Джон Леннон?” Выяснилось, что табличка таки имелась на противоположной стене лобби — в числе других табличек с именами других почетных гостей, — но одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять причину затруднения девушки (которая, как ни удивительно, сама оказалась родом из России): медь ленинской таблички, по сравнению с другими, тщательно отполированными, так потемнела, что совершенно потерялась рядом с именами звезд совсем иного калибра — Джуди Гарленд, Брижит Бардо, группы АББА и писателя Хеннинга Манкеля.

По крайней мере один человек в Стокгольме знал, кто такой Ленин. Я провела в городе всего один день (как и Ленин в свое время), и многие удивлялись, куда я так спешу. “Вы гонитесь за Лениным? — воскликнул владелец одного магазина. — Но вы в курсе, что опоздали примерно на сто лет?” Мы оба рассмеялись, но на самом деле он попал в точку: я хотела не просто пересказать старую историю и заполнить лакуны новыми архивными данными. Мне хотелось большего. Я села в поезд, чтобы заново проделать путешествие столет-

ней давности — и написать о нем сегодня, когда мир вокруг нас совершенно изменился.

Холодная война обеднила наше воображение и упростила наши представления о мире. Расположив всё и вся по ту или иную сторону от линии, разделявшей два полюса — за или против, право или лево, она лишила историю красок. Большинство из нас обратились к книжкам о Романовых и милых великих княжнах в белых платьях. Но когда я думала о Европе 1917 года и пыталась представить себе Ленина в ней, то я то и дело замечала аналогии с нашим временем. Ленинское наследие часто рассматривается как нечто абстрактное, как формальный перечень текстов и речей. Все эти собрания сочинений дают своим весом и не дают распознать те живые черты, которые в свете более поздних событий мировой истории оказываются наиболее значимыми. Список этих событий длинен и включает глобальное перераспределение сил, шпионаж и грязные игры, фанатизм и сложное многообразие революций.

Старые книги рассказывают о прибытии Ленина в Петроград каждая языком своего времени. В 1940 году Эдмунд Вильсон использовал этот сюжет как повод для размышлений о том, как вообще следует писать о социализме, и в течение десятилетий создавал свою классическую повесть о крушении надежд⁶. В 1950-е годы Алан Мурхед (при частичной финансовой поддержке журнала *Life*) в поисках ответа на вопрос, правда ли Ленин воспользовался немецким золотом, предложил более сдержанный взгляд на эти события⁷. Тем же сюжетом, но в более драматических тонах в 1970-е годы занимался Майкл Пирсон⁸. Его работа надежна в том, что касается немецких поездов и английских сплетен, однако слаба и полна умолчаний в отношении политики. Если вас в те годы интересовала именно политическая сторона дела, то вам следовало читать социалиста Марселя Липмана, для которого история Ленина (как и в целом его сочинения) была «одним из самых ярких факелов, способных высветить определенные фено-

мены современной политики”⁹. Такая точка зрения выглядит сегодня устаревшей, и почти никто не обращается за объяснением современности к Ленину. Тем не менее революции по-прежнему происходят и их вожди по-прежнему проповедают внемяющим толпам ярость и насилие.

Универсум Маркса и Ленина когда-то был и моим собственным. Когда я в первый раз приехала в Россию, это был еще Советский Союз, города были серыми, ночное освещение — бедным, а хороший кофе вообще отсутствовал. Я совершила паломничество в Мавзолей Ленина и подивилась выражению искреннего почтения на лицах некоторых посетителей. Потом Москва превратилась в “северный Дубай”, в котором я жила среди строительной пыли и обломков прошлого. Окруженная благожелательностью русских людей, я изучала потери и нужду советских лет, как если бы речь шла о моей собственной семье. Слушая воспоминания об арестах и лагерях или посещая места массовых захоронений сталинского времени, я становилась свидетелем трагедий, которые принесло своим гражданам коммунистическое государство. Я не относилась к тем, кто всё в Советском Союзе считал злом, ложью или заблуждением, но я видела, что воздействие советского строя на жизнь было катастрофическим. Мне было понятно, почему повсюду в Европе, Северной Америке и в других богатых странах люди так радовались, когда советскому государству пришел конец. Своего рода праздник был и в самой России. Мы все вместе плакали от счастья, когда пала Берлинская стена, но все же ликование внешнего мира по поводу падения коммунизма в России оставило у многих русских привкус горечи.

Правда, которая выяснилась не сразу, состояла в том, что отнюдь не все в России радовались победе ценностей так называемого Запада, как того хотелось бы некоторым лидерам свободного мира. Говорить о победе рано, представление о некоем едином “Западе” и неудачно, и вводит в заблуждение. Британские дипломаты во времена Ленина делали

ту же ошибку, когда полагали, что каждый человек в мире хочет быть добропорядочным английским малым, как они сами. Они так никогда и не осознали, что Ленин не был импортированным чужеродным демоном, отвратившим русских от их предназначения стать благодушной версией англичан. Англичане, как выяснилось, тоже поддерживали “своих” русских ссыльных и тоже сопровождали их в Петроград, чтобы те воздействовали на народ, но у них ничего не получилось. Миссия Ленина завершилась успехом, потому что он обещал вещи более важные, чем британская добропорядочность и британские пушки.

В 1980-х годах, когда я училась в Московском университете, догма марксизма-ленинизма-сталинизма уже стала пустой оболочкой (и руководство тактично отбросило последнюю часть формулы), но я знала, что когда-то в ней была жизнь. Самым светлым ее часом был 1917 год. Весной-летом этого года Ленин переживал пик творческой активности. Что бы ни происходило в период, когда человек из “пломбированного вагона” был у власти, он оставался неизменно популярным, потому что предлагал ясность и надежду. Его слова находили отклик у значительной части населения России, у тех, кто хотел от жизни большего, чем мог дать старый режим. Мое путешествие — безусловный географический факт, и тем не менее, пробираясь на север, я также проделала путешествие во времени, чтобы исследовать карту забытых возможностей.

Заканчивалось мое путешествие в сказочном Петербурге, Петрограде времен Ленина и Первой мировой войны, второй столице России. Тридцать лет спустя после конца коммунизма следы роковой поездки вождя стираются даже здесь. Упакованный в золотую обертку и выкрашенный в пастельные тона город решил заново пережить свое славное имперское прошлое. Но есть несколько мест, где пламени ре-

волюции разрешено тлеть под контролем. Одно из них — на Петроградской стороне, недалеко от метро “Чкаловская”. Запущенная парадная старого доходного дома обдает вас застоявшимся запахом псины, табака и пива. Стены покрыты граффити, детские коляски новейших дорогих марок припаркованы у стен, но никто не заботится о том, чтобы собрать денег и построить в подъезде лифт достаточного размера, чтобы эти коляски можно было поднять наверх. Как и граффити на наружной стене дома, существующий лифт наглядно демонстрирует российское отношение к любой коллективной инициативе. Зато двери в квартиры по виду скорее похожи на банковские сейфы. Прорезанные гигантскими трещинами стены, кажется, едва держатся, но даже если дом рухнет — эти двери устоят.

Добравшись до верхнего этажа, я обнаруживаю на стене портрет Владимира Путина и понимаю, какую версию Ленина я увижу в сегодняшней России. Те, кто работает на этом этаже, восхищаются скорее великим лидером и учителем, чем революционером, который хотел разжечь мировой пожар. Женщина, протягивающая мне руку для приветствия, ухоженна, вежлива, безупречна. Даже доброжелательна — и, как только ей становится ясно, что я действительно хочу что-то понять, что я готова слушать и смотреть, она превращается в идеального гида. Помогает то, что обе мы когда-то застали советский мир. У нас есть общий язык, язык, которого молодые русские уже не знают.

Моя собеседница — директор музея-квартиры Елизаровых: здесь жила старшая сестра Ленина Анна со своим мужем Марком Елизаровым, с ними до своей смерти в 1916 году проживала и мать Ленина. Ранним апрельским утром 1917-го Ленин прибыл сюда прямо с Финляндского вокзала. Заглядывая в спальню, я представляю себе, как он сбрасывает пиджак на кровать, а его жена Надежда Крупская, с которой они вместе уже почти двадцать лет, тем временем вынимает булавки из шляпки и, сунув ноги в чужие домашние туфли,

хлопочет вокруг, обустройства в комнате. Супруги прожили здесь еще шесть недель, потеснив сестру с зятем и деля с ними хлеб и кров.

Сказать, что квартира бережно сохраняется, — значит ничего не сказать. В кухне стоит исправный утюг, медная ванна готова к употреблению. На двуспальной кровати супругов — с любовью вышитое Анной Ильиничной покрывало. Вещи матери Ленина хранятся в главной спальне, но среди них — его дорожный саквояж; он открыт, так что видны щетки, бритвенный прибор и флаконы для одеколona. Потертая кожа саквояжа — знак того, что лучшие годы жизни Ленин провел налегке: весь его багаж в путешествиях состоял из этого или такого же саквояжа, а домом были меблированные комнаты в разных европейских городах. И хотя этот чемоданчик в своем роде очарователен, задача его здесь, в этом музее, — иллюстрировать часть советского мифа о Ленине-ссылном, Ленине-скитальце.

Чего я совершенно не ожидала — так это чопорности, душливости, которая сделала бы честь любой диккенсовской гостиной. Повсюду разбросаны (очень мило разбросаны) подушки с рюшами и кружевные валики, и каждая фотография в рамке покрыта благородной патиной времени. Над одной кроватью есть даже шнурок, на который обитатель квартиры мог повесить на ночь свои часы. Кабинет напротив принадлежал Марку Елизарову, зятю Ленина, служившему в паровой компании: коричневые обои, вместо кружев и вышивки — шахматный столик. Нагромождение вещей на некоторое время занимает меня, но потом взгляд останавливается на кокосовом орехе. “У Елизарова были контакты за границей, — поясняет хранительница. — Он привез этот орех издалека, это было настоящее сокровище”. Я беру орех в руки и слегка трясусь его; пересохшая копра внутри глухо шуршит. Несчастная штукавина лежит здесь уже больше ста лет. Если бы легкомысленность не была в этой ситуации столь явно неуместна, я бы, наверное, расхохоталась.